

Elena
Take

ИЗМЕНА

*Осколки
сердца*

Она его запрет. Он её падение.

Elena Take

Измена. Осколки сердца.

«Литнет»

2025

Take E.

Измена. Осколки сердца. / Е. Take — «Литнет», 2025

Когда ты чужая жена. А он — всё, чего ты боишься и жаждешь одновременно. Эмилия сильная, сдержанная, идеальная. Макс опасный, бескомпромиссный, её полная противоположность. Между ними вспыхивает связь, которую невозможно оправдать. Но и невозможно остановить. Они лгут. Себе. Друг другу. Мужу. Каждое прикосновение — боль. Каждая встреча — на краю. Это не любовь. Это зависимость. Но где кончается страсть — и начинается разрушение? Манипулятор-герой. Девушка между двух мужчин. Борьба разума и тела. Много эротики и острых диалогов. Диалогия. Продолжение — “Собирая осколки”.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Эмили	7
Визуализация Эмили	8
Глава 2. Эмили	10
Глава 3. Макс	12
Визуализация Макс	13
Глава 4. Макс	15
Глава 5. Эмили	17
Глава 6. Макс	20
Глава 7. Эмили	24
Глава 8. Эмили	26
Глава 9. Эмили	28
Глава 10. Марк	30
Визуал Марк	32
Глава 11. Эмили	35
Глава 12. Эмили	37
Глава 13. Эмили	39
Глава 14. Макс	40
Глава 15. Эмили	42
Глава 16. Эмили	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

ИЗМЕНА

Грязная, пошлая, порочная связь. Отравленный поцелуй, оставляющий шрамы. Чужие руки, впивающиеся в кожу, будто клеймо — доказательство предательства, которое невозможно смыть. Из-за неё отворачиваются от семьи и ранят тех, кто любит. Теряют друзей. Лгут, изворачиваются, прикрываются полуправдой, пока однажды не остаётся только обнажённая ложь.

Измена — это точка невозврата.

Сделав шаг, невозможно отступить. Даже если впереди тупик, даже если каждый вдох даётся с болью, я всё равно иду. Не могу иначе. Не могу остановиться. Потому что, однажды преступив черту, осознаю: обратно дороги нет.

Непростительная любовь.

Та, что не поддаётся разуму, сметает все доводы и устои. Как буря, срывает всё на своём пути. Как пожар, оставляет лишь пепел. Она не требует, не умоляет — просто берёт. Как и он... Человек, которого я не жду в своей жизни. Который врывается и забирает всё, что я считала своим.

Многие осудят. Но мне всё равно. Никто не сможет прожить мою жизнь, никто не узнает, каково это — быть мной. Никто не поймёт, что значит разрываться между тем, что правильно, и тем, от чего невозможно отказаться. Никто никогда не почувствует то, что чувствую я.

ЭМИЛИ

Плакать нужно тогда, когда плачет дождь... Тогда не разобрать, кто из нас льёт слёзы.

Зима в этом году необычно холодная. Я стою перед зеркалом, вглядываясь в отражение. Вместо привычного кашемирового пальто приходится надеть пуховик — я ужасная мерзлячка, а на улице мороз. Для такой погоды Luxora — идеальный выбор, моя мягкая броня. Накидываю на шею платок от Valmont & Lorne, аккуратно поправляю выбившийся локон. Улыбаюсь своему отражению: выгляжу неплохо. Кожа по-прежнему гладкая, глаза яркие, пусть в глубине и затаилась усталость.

Двери электрички закрываются с характерным шипением. Состав трогается. Я опускаю взгляд на руки, сжимающие сумку так сильно, словно пытаюсь удержать ускользающую реальность. Внутри разгорается знакомое, но давно забытое чувство ожидания. Сердце бьётся в груди слишком быстро.

Внушаю себе: это же просто встреча. Просто фотографии. Но почему тогда кажется, что я стою на самом краю обрыва?

Набираю больше воздуха в лёгкие и медленно выдыхаю. На машине ехать не решаюсь — в мегаполисе электрички удобнее, а мне нужно это время, чтобы собраться с мыслями.

Это моя очередная большая ошибка — согласиться на встречу. Первая была — ответить на его сообщение. Совсем скоро я начну совершать одну ошибку за другой, но сейчас я даже предположить не могу, во что выльется наша «безобидная» переписка.

Я всё ещё надеюсь, что он окажется обычным. Совсем не таким, каким я его себе воображаю. Мы просто выпьем кофе, сделаем снимки и разойдёмся навсегда. Но... кого я обманываю? Почему я вообще думаю об этом с таким трепетом?

Закрываю глаза, и в сознание тут же врывается вчерашний сон: сильные руки сжимают мою грудь до боли, но я не могу их оттолкнуть. Горячее дыхание обжигает шею, язык скользит по ключице. По спине пробегает электрический разряд. Я чувствую, как он прижимает меня к себе, впиваясь в кожу, как его пальцы оставляют следы на бёдрах. Каждое движение властное, требовательное, лишённое сомнений. Стоны срываются с губ, и я не могу сдержаться — слишком жарко, слишком сильно, слишком реально...

Ощущение жара между ног и сводящее с ума напряжение тянут меня в бездну. Я хочу больше. Глубже. Сильнее.

Резко открываю глаза. Сердце грохочет, дыхание сбито. Трясу головой, стараясь отогнать это безумие. Бред. Почему я вспоминаю об этом сейчас, по дороге к нему?

Когда я вижу его, всё становится ещё сложнее. В жизни он в разы лучше, чем на экране смартфона. Ни одно фото не передаёт этой странной смеси спокойствия и скрытой угрозы. Дьявольский шарм, порочная красота, от которой трудно отвести взгляд. У него особое обаяние — ему можно противостоять только сознательно, но я в этот момент безнадежно теряю контроль.

Небо роняет на землю крупные капли дождя. Я лежу в объятиях спящего мужа и тихо плачу вместе с этим небом.

Два часа ночи. Почему так больно?

Тепло Марка обволакивает меня, его руки привычно крепкие, родные. Он не знает. И никогда не узнает. Я крепче прижимаюсь к нему, пытаюсь нащупать внутри хоть что-то: покой, безопасность, прежнюю любовь. Но вместо этого под кожей всё ещё пульсируют воспоминания о чужих руках и чужих губах.

Если он проснётся сейчас, почувствует ли, что я больше не принадлежу ему одному?

Я потеряла голову, совесть и право на оправдание. Но я ни о чём не жалею. Каждое мгновение, проведённое с ним, выжжено в моей памяти. Ведь я знаю — это больше не повторится. Или я снова лгу самой себе?

Будет очень эмоционально, больно и страстно, много откровенных сцен

Глава 1. Эмили

Изна — это всегда боль.

И она причиняет страдания не только тому, кому изменяют, но и тому, кто изменяет.

В начале отношений большинство из нас верит, что верность — неотъемлемая часть любви. Считается, что если происходит изна, то любовь исчезла. Но я люблю своего мужа, Марка... и да, я изменяю ему.

Как я могла допустить, чтобы жизнь разделилась на две параллели, на тень и свет? Не могу понять, где кончается одна и начинается другая. В одной я — идеальная жена и мать. В другой — женщина, стоящая на грани. И в каждой из них я теряю себя.

Может, стоит поставить точку прямо сейчас? Возможно, ещё есть шанс выйти из этой игры, пока вторая реальность не затянула меня в болото по шею. Или уже слишком поздно? Мы с ним такие разные. Живём в противоположных мирах, даже возраст нас разделяет — он ведь совсем мальчишка.

Но почему так жмёт в груди и трудно дышать? Неопределённость, как яд, проникает в душу, отравляет сомнениями, окутывает мысли липким страхом. Она не даёт уснуть, захватывает сердце ледяной рукой и сжимает с такой силой, что оно скулит, как раненое животное, пока между пальцами сочится кровь.

Мне кажется, я задохнусь от бессилия. Сейчас я ещё не понимаю, что это лишь прелюдия. Не осознаю, что уже поймана в хитроумную ловушку. Паук медленно, но уверенно плетёт вокруг меня сеть. Каждая нить обвивает меня всё плотнее, и я погружаюсь глубже в это губительное волокно.

Привет, меня зовут Эмили. Я тринадцать лет счастлива в браке. Счастлива так, как это понимают окружающие. Мой муж, Марк, боготворит меня, оберегает, буквально носит на руках. У нас две дочери — наш с Марком центр вселенной. Нашей семье позавидовали бы многие, ведь о такой картинке мечтает каждая вторая женщина.

Так что пошло не так? Вернее, что не так со мной?

Знаете, ведь мы не всегда отворачиваемся от партнёра, когда идём на измену. Чаще всего мы отворачиваемся от самих себя — от той личности, которой стали за годы правильной жизни. Дело не в том, что я искала другого мужчину. Я искала другую версию себя. Ту, которую когда-то потеряла. Моя жизнь, словно стеклянная мозаика, рассыпалась на острые осколки. Потому что я до ломки зависима от человека, и это не мой муж. В этом лабиринте соблазнов я потеряла внутренний компас и теперь не знаю, куда идти.

Тринадцать лет я не замечала других. Мой муж был для меня всем, и он до сих пор остаётся воплощением моей мечты. Мы никогда не давали друг другу повода для ревности. Возможно, именно поэтому всё рухнуло. Наш брак слишком идеален. Я слишком идеальна.

А теперь я разбита. Моя картина мира превратилась в пыль, и я больше не знаю, какая из этих двух женщин — настоящая.

Визуализация Эмили

Эмили — глубокая и сложная женщина, сдержанная, вдумчивая, обаятельная, умеющая контролировать эмоции, но при этом эмоционально ранимая. Внешне спокойная и собранная, она обладает внутренней силой и элегантностью, при этом временами ей не хватает ощущения полноты жизни.

Глава 2. Эмили

«Любопытство часто побеждает здравый смысл». А.С. Пушкин

Вы когда-нибудь задумывались, почему женщины, погружённые в семейный уют, начинают вести блоги? Потому что для них блог становится окном в мир. Способ дышать и делиться мыслями, когда реальность ограничена кругом близких. Мой блог в «Supergram» из обычного хобби быстро превратился в источник хорошего дохода.

Деньги для меня никогда не были проблемой. Мой муж, Марк — успешный адвокат, он полностью обеспечивает семью. Он старше, мудрее и твёрдо придерживается принципа: мужчина отвечает за финансы, женщина — за уют в доме и детей. Марк щедр, он не ограничивает меня в расходах и никогда не требует отчётов. Именно это позволило мне целиком посвятить себя блогерству и наслаждаться своей финансовой независимостью, тратя заработанное на личные прихоти.

Каждое утро я целую мужа перед его уходом, провожаю Карину в школу и отвожу Алису в детский сад. Возвращаюсь в залитый светом дом, завариваю ароматный латте и сажусь отвечать подписчикам. Но это утро идёт не по сценарию: мой кофе закончился, а я и не заметила. Завариваю себе матча и беру телефон в руки.

Открываю сообщения и замираю. Запрос от нового пользователя. На аватарке — мужчина в чёрной маске, длинные волосы собраны в хвост. Ник — lonely.wanderer (одинокий странник).

lonely.wanderer:

Тени касаются сна,

В сердце танцует свет.

Ты ли мой путь, звезда?

Пробегаю глазами строки, и по телу рассыпаются мурашки. Что-то в этих словах бьёт слишком метко. Почему они так отзываются внутри? Это всего лишь хайку... но кажется, будто они касаются моей души, обножая её.

Долго смотрю на экран. Хочу проигнорировать, как делаю это сотни раз в день. Но что-то мешает просто закрыть чат. В итоге пальцы сами порхают над клавиатурой, набирая ответ.

Emily.C: Спасибо за хайку. Ваши слова трогают. Но я не ваша звезда.

Ответ прилетает мгновенно, будто он сидел и ждал именно меня:

lonely.wanderer: Как знать? Всё в этом мире так непредсказуемо... и в то же время предначертано.

Хмурюсь. Какой странный тип. И всё же любопытство перевешивает:

Emily.C: Кто вы? Как вас зовут?

lonely.wanderer: Я твой подписчик.

Режет глаза это его «ты». Дерзко. Слишком нагло для незнакомца. Но диалог уже затянул меня.

Emily.C: Это я поняла. Но как вас зовут на самом деле?

lonely.wanderer: Зови меня Странником. Или Максом, если тебе так удобнее.

Emily.C: И почему вы написали мне?

lonely.wanderer: Потому что почувствовал, что должен.

Замираю с телефоном в руках. Логика кричит: «Закрой чат! Заблокируй!» Но внутри шепчет другой голос: «Продолжи».

lonely.wanderer: Давай будем друзьями.

Я теряюсь. Друзьями? С анонимом? Захожу в его профиль: закрытый, только этот тёмный силуэт в маске.

Emily.C: Нет, спасибо.

Отправляю, надеясь поставить точку. Решительно. Но он не из тех, кто отступает.

lonely.wanderer: Почему нет?

Emily.C: Потому что не вижу в этом смысла.

Пишу сухо, обрывая нить.

lonely.wanderer: Ты права. Но иногда смысл не виден сразу.

Откладываю телефон. «Смысл не виден сразу» — фраза звучит в голове эхом. К обеду, листая ленту, я снова, сама не понимая зачем, открываю его сообщение. Теперь его настойчивость уже не кажется раздражающей. Она кажется... интригующей.

Emily.C: Вы здесь?

lonely.wanderer: Я не исчезаю просто так.

Улыбаюсь и тут же ловлю себя на этом. Эмили, что ты творишь?

Emily.C: Почему это вам так важно? Зачем нам становиться друзьями?

lonely.wanderer: Может, потому что ты мне интересна?

Emily.C: Вы даже меня не знаете.

lonely.wanderer: Не знаю. Но хочу узнать. Разве дружба не начинается с интереса?

Задумываюсь. Его напор заставляет меня чувствовать себя особенной. Не «женой адвоката», не «мамой Карины и Алисы», а просто женщиной, которая вызвала чей-то острый интерес.

Emily.C: Хорошо. Но это ничего не значит.

lonely.wanderer: Пусть пока не значит.

Внутри что-то тонко покалывает. Он отвечает так, будто знает сценарий наперед.

lonely.wanderer: Добавь меня в друзья.

Он давит. И я сама не замечаю, как перехожу на «ты».

Emily.C: Подпишись, это же просто.

lonely.wanderer: Я уже. Теперь твоя очередь. Подпишись на меня.

Вздыхаю и кликаю на «подписаться». Пусть радуется — блогер с сотнями тысяч подписчиков теперь в его фолловерах. Он принимает запрос в ту же секунду. Пробегаю глазами по его фото: господи, да он совсем молодой. Красивый. Длинные темные волосы, идеальное тело... Впрочем, какая разница? Закрываю профиль.

Но с этого дня сообщения начинают приходить каждое утро. Я планирую их игнорировать, но его лёгкий стиль и эти непринужденные комплименты почему-то заставляют моё сердце стучать быстрее. Он настойчив, но не липок.

Как и когда я начала проверять телефон первым делом после пробуждения, ожидая весточки от Странника?

Глава 3. Макс

Измена — это всегда больно.

Но порой боль сильнее всего ощущает не тот, кому изменяют, и не тот, кто изменяет. Сильнее всех корчится «третий». Ему приходится делить то, что он отчаянно хочет назвать своим.

Да, я сплю с женщиной, которая мне не принадлежит.

Привет, меня зовут Макс. Мне двадцать семь, и почти половину жизни я провёл за границей: учился, впитывал опыт, набивал шишки. Не так давно вернулся и теперь рулю одним из самых престижных ночных клубов мегаполиса. Nirvana — истинный вертеп всех мыслимых грехов. Я так его и называю. И я здесь главный, если не считать тех, кто на бумаге числится учредителем и платит мне зарплату.

Моя работа — координировать весь этот хаос. Знаменитости вежливо жмут мне руку, ведь именно я решаю, кто и когда выйдет на нашу сцену. Работа не из лёгких: столько быдла в одном месте встретишь разве что в чистилище. Бесят и одновременно смешат мелкие сошки: требуют скидку на входе, cedят дешёвое пойло, но раздувают щёки, будто они элита. Тёлки тоже умиляют — крутят задницами в надежде, что какой-нибудь лох осыплет их купюрами. Блеск показухи, тошнотворный гламур, запах алкоголя и секса. Таких здесь большинство. Весь этот контингент оседает на первых трёх этажах.

А вот последние два — для ВИПов. Вход только по приглашениям, жёсткая селекция, круглые суммы. С ними приятно работать: они не считают деньги и не строят из себя хрен знает кого. Уважаха. Именно они хлопают меня по плечу: «Здорово, бро», и крепко жмут руку.

Отношения? У меня их нет. И есть чёткие правила: не влюбляться, не привязываться и уж точно, блядь, не жениться. С меня хватит этой возни. Устал от вечных претензий: «Опять смотришь на ту девку? Почему её лайкаешь? Почему не позвонил? Когда увидимся?» А моё любимое: «Можно я останусь на ночь?» Не успеешь оглянуться, она уже чемодан притащит. Однажды девица оставила у меня свои стринги. Ха, было забавно, когда их нашла следующая.

Короче, отношения — это стресс. Я волк-одиночка, хозяин своей жизни. Не позволю собой манипулировать и не пущу никого в душу, чтобы потом мне не рвали сердце. Женщины — это игрушки, в которые интересно играть, пока не надоест.

В последнее время я нашёл способ снимать напряжение. Фотография. Купил дорогую камеру, стал сам себе художником. Сначала снимал природу, всякую ерунду, что попадалась на глаза. Но потом понял: надо снимать людей. Мне нравится ловить момент, выплепать настоящие эмоции, движения, страсть. Я начал искать моделей. Девушки, кстати, с удовольствием ведутся на мои предложения.

И тогда я увидел её.

Визуализация Макс

Макс — уверенный в себе, независимый мужчина, привыкший жить по своим правилам. Он харизматичен, дерзок и склонен к циничному взгляду на жизнь и отношения. Будучи волком-одиночкой, Макс не терпит привязанностей и избегает глубокой эмоциональной вовлеченности. Его профессиональная жизнь тесно связана с ночной жизнью, клубами, гламуром и мимолётными связями. Для него важны свобода и контроль над собственной жизнью, но в последние годы Макс нашёл выход для своих эмоций через фотографию, в которой он ищет творчество и свободу самовыражения.

Глава 4. Макс

«Чем труднее добыча, тем слаще победа». Древняя пословица.

Я пролистываю профили в «Supergram» в поиске моделей, когда вижу её. Чёрт... даже через экран она излучает секс.

Замужем. Так даже интереснее. Сразу бросается в глаза огромная разница в возрасте с мужем. Хочу её мгновенно. Это редкая смесь порочности и невинности: огромные коньячные глаза в густых ресницах — в таких тонут без остатка. Вздёрнутый носик, сочные губы. Даже через фото я представляю, какое наслаждение они могут доставить.

У неё под двести тысяч подписчиков. Вряд ли она вообще заметит сообщение от незнакомца, но я всё равно пишу. Лаконично, почти нагло:

lonely.wanderer:

Тени касаются сна,

В сердце танцует свет.

Ты ли мой путь, звезда?

Звучит загадочно даже для меня, но это лучше, чем тупое «Привет». Нажимаю «отправить», ни на что не надеясь. Её реакция удивляет — отвечает быстро.

Emily.C: Спасибо за хайку. Ваши слова трогают душу. Но я не ваша звезда.

Это задевает. Не отказом, а этой её вежливой дистанцией. Но я чувствую: это не финал. Усмехаюсь, набирая ответ:

lonely.wanderer: Как знать? Всё в этом мире так непредсказуемо... и в то же время предначертано.

Она замолкает. Но я уверен — она вернётся. Такие, как Эмили, всегда возвращаются из чистого любопытства. Когда вечером прилетает её новый вопрос, я чувствую мощный прилив азарта.

Emily.C: Кто вы? Как вас зовут?

lonely.wanderer: Я твой подписчик.

Она не отступает.

Emily.C: Это я уже поняла. Но как вас зовут на самом деле?

lonely.wanderer: Зови меня Странником. Или Максом, если тебе так удобнее.

С каждой строчкой нить между нами натягивается. Она сопротивляется, но процесс запущен.

Emily.C: Почему вы написали мне?

lonely.wanderer: Потому что почувствовал, что должен.

Долгое молчание. Если бы я тогда остановился, всё сложилось бы иначе. Если бы я знал, к чему это приведёт, оставил бы я её в покое? Нет. Даже сейчас я уверен: не смог бы.

У меня получается! Она втянулась в игру.

lonely.wanderer: Может, выпьем кофе вместе? Какой ты любишь?

Emily.C: Латте. Мне нравится, когда много молока.

Почему-то я так и думал. Этот напиток ей подходит. Представляю, как она отпивает из высокого стакана, и белое облако пены остаётся у неё на губах. В мыслях я уже наклоняюсь и слизываю эту нежность, толкаю язык глубоко ей в рот, а она хрипло стонет, желая, чтобы я проделал то же самое... только намного ниже.

Чёрт, от этих картинок член каменеет, в паху начинает ломить. Хочу её до скрипа зубов. Опускаю руку в штаны, обхватываю ствол и двигаюсь ритмично, не отрывая глаз от её фото. Представляю, что это её пальцы ласкают меня. Взрываюсь через пару минут. Бля-я-ять... Если только мысли о ней так сносят крышу, что будет, когда я получу её всю?

А я получу.

В её профиле мало фото с мужем, но на тех, что есть, он выглядит сурово. Прямая спина, жёсткий взгляд. Становится любопытно:

lonely.wanderer: Почему твой муж на фото такой серьёзный? Разве он не счастлив со своей молодой сексуальной женой?

Emily.C: Его профессия обязывает всегда держать лицо.

Почему я тогда не придаю этому значения? Следовало сразу пробить, кто он и чем дышит, но я был слишком увлечён охотой.

lonely.wanderer: Когда мы увидимся?

Emily.C: Я не встречаюсь с мужчинами.

Раздражение вспыхивает и тут же гаснет. Это даже радует — значит, я буду первым. Первым, кто взломает эту крепость после долгих лет её «правильного» брака. Это почти то же самое, что быть у неё вообще первым.

Наконец, она соглашается. С утра я принимаю душ, чисто бреюсь. Весь в предвкушении: сегодня я вдохну её запах, прикоснусь к коже... И вдруг телефон вибрирует:

Emily.C: Прости, у старшей дочери температура. Придётся перенести встречу.

Гнев ослепляет. Блять, я ждал! Я настроился! В моих мыслях она уже была подо мной. А теперь — снова ожидание. Ненавижу отказы. Я привык брать всё и сразу.

Проходит целый месяц, прежде чем она снова соглашается. Теперь нельзя лажать. Осталось всего три дня. Как же это томительно долго... Закрываю глаза и воображаю её обнажённой. Жажда обладать этой женщиной становится обжигающей.

Глава 5. Эмили

«Граница между страхом и желанием так тонка, что её можно пересечь, даже не заметив». Ульяна Соболева

За окном электрички мелькают дома. Я сижу, погруженная в мысли, и задаю себе один и тот же вопрос: «Зачем я отправилась на встречу с незнакомым мужчиной?» Но ответ так и не нахожу. Может, я и не хочу его знать.

Сердце бешено колотится в груди, словно пытается вырваться наружу. Я чувствую себя как школьница, спешащая на первое свидание, где её ожидает неизвестность и море непредсказуемых эмоций. Тайно надеюсь, что он окажется именно таким, каким представлялся на фотографиях, хотя одновременно с этим желаю, чтобы реальность не совпала с ожиданиями. Это бы всё упростило.

Станция Бризкорт. Ступеньки, ведущие вниз — мосты, соединяющие два мира. Сколько их? Раз, два, три, четыре... Я на улице, и мороз пронизывает до самой души. Кутаюсь в платок, жалея, что не надела шапку и забыла перчатки. Оглядываюсь, ища его глазами, но его нет. В растерянности смотрю на часы: я пришла вовремя.

Вдруг оборачиваюсь и... вижу, как он идёт мне навстречу.

«О мой бог!» — восклицаю про себя, чувствуя, как сердце сбивается с ритма.

Но он проходит мимо, делая вид, что не узнал. Это вызывает во мне негодование. Он заставляет именно меня сделать первый шаг и остановить его. Позже я осознаю, что всегда буду вынуждена делать этот шаг первой — он спланировал это с самого начала. Дотрагиваюсь до его плеча. Он оборачивается, наши глаза встречаются, и меня словно током прошибает — всё внутри переворачивается, дыхание перехватывает. Его глаза — тёмные и глубокие, как бездна, завораживающая и пугающая одновременно.

Макс обнимает меня, будто мы знакомы целую вечность, и целует в щёку. Я вздрагиваю, когда он шепчет на ухо:

— Привет!

Его голос словно касается моей кожи. Меня огнём обдаёт от того, насколько интимно звучит это обычное «привет». Вдыхаю его запах — переплетение пряности и свежести. Этот аромат обволакивает меня, лишая возможности думать. Холодный ветер пронизывает до костей, я дрожу, но не понимаю от чего больше: то ли от мороза, то ли от волнения и его близости.

— Пойдём ко мне на кофе, — говорит он так просто, будто мы давно знакомы.

— Я не хожу в гости к незнакомым мужчинам, — отвечаю, смеясь. Неужели он правда думал, что я соглашусь пойти к нему домой?

— Но здесь рядом ничего нет, — говорит он с уверенностью. — Живу в этом районе долго, он не самый престижный, но удобный.

Он пожимает плечами, а затем просто берёт меня за руку. Как только его пальцы касаются моих, меня снова прошибает током. Его рука тёплая и уверенная. Он сжимает мою ладонь так настойчиво, что я не решаюсь её отдернуть.

— Ладно, пойдём, я знаю одно место.

И я подчиняюсь, иду.

— Когда у нас будет секс? — неожиданно спрашивает он, как бы между прочим, даже не глядя на меня.

Я не верю своим ушам. Мозг лихорадочно пытается найти ответ.

— Что? — переспрашиваю, ошеломлённая. Щёки мгновенно вспыхивают, сердце пускается в галоп.

— Секс, детка. Это то, что делают мужчина и женщина, когда хотят друг друга.

Прикусываю губу, он так объясняет, словно ребёнка.

— Макс, ты знаешь моё имя? — пытаюсь сменить тему, вспоминая, что он ни разу не назвал меня по имени.

— Конечно, Эмили. — Он поворачивается и смотрит мне прямо в глаза. Взгляд властный, вызывающий. Наглый блеск, но в то же время что-то невероятно мягкое, скрытое за всем этим, и я тону в его глазах.

— Э-ми-ли... — повторяет он. Голос обволакивает, и тело покрывается мурашками от того, как он его произносит, словно пробуя на вкус. Слизирует, как сливочное мороженое, которое тает от теплоты его языка.

Маленькое уютное кафе, едва заметно на узкой улыбке. Внутри всего три столика — крошечный мир для своих. Пахнет корицей и свежим кофе. Удивительно, что внутри никого нет. Это место явно предназначено для тех, кто хочет укрыться от суеты и насладиться тишиной. Макс галантно отодвигает стул, и я сажусь, ощущая себя в коконе этого маленького, уютного кафе, кажется, что тут можно спрятаться от всего мира. Он кладет камеру на стол, и я словно очнулась, вспомнив, зачем мы встретились.

— Латте? — улыбается он.

Киваю в ответ. Конечно, я рассказывала ему, как обожаю кофе с молоком и пушистой пеной.

— Тебе подходит этот напиток, — написал он тогда, — такой же нежный, как ты. Говорят, люди, предпочитающие латте, стремятся к спокойствию, уюту и красоте.

Он возвращается с двумя высокими стаканами.

— Себе тоже взял такой же. — Говорит он, передавая мне кофе. — Интересно почувствовать твой вкус.

Делаю глоток. Тепло разливается по телу, но не понимаю, от чего больше — от кофе или от его взгляда. Что значит "интересно почувствовать твой вкус", не решаюсь спросить вслух, что он имел в виду. Кофе здесь потрясающий. Закрываю глаза от удовольствия. А когда открываю, встречаюсь с его взглядом: нежным, обволакивающим и одновременно властным. Я тону, меня затягивает в пучину его синих глаз. Смущённо отвожу взгляд, а он не стесняясь рассматривает моё лицо. Скользит по щеке, опускается к губам, а у меня кожа горит, словно он не смотрит, а касается меня. Он берёт камеру и начинает снимать, кадр за кадром. Я улыбаюсь в объектив — мне не привыкать позировать. Он откладывает фотоаппарат, и его рука нежно накрывает мою, а я снова не отдёргиваю её, позволяя прикасаться ко мне, сама не понимая почему.

— Ты же приедешь ещё? Я хочу, чтобы ты приезжала каждый день. Понимаю, что это невозможно, но согласен на раз в неделю.

Яжимаю плечами — у меня нет ответа.

— Ты согрелась? Пойдём на улицу, я тебя поснимаю.

Холод пробирает меня до костей, но его близость отвлекает от всех ощущений.

— Пришлешь мне потом фото на электронную почту? — спрашиваю, когда мы заканчиваем.

— Могу сразу перекинуть по AirDrop, если подождёшь.

— Очень холодно, — признаюсь я, только сейчас осознав, насколько заledenели руки.

— Тут рядом супермаркет, зайдём туда.

Мы стоим у столиков в магазине, ожидая загрузки. Внезапно его рука ложится мне на талию. Сердце замирает.

— Перестань, здесь люди, — смущенно шепчу я, слегка отодвигаясь, хотя в душе совсем не против.

— Да брось, тебя стесняют люди? — он смеется.

А мне становится страшно от того, что он может заметить не только смущение, но и желание, переполняющее меня. Дышать боюсь. И хочу, чтобы он меня касался. Щеки горят.

Боже, какая я дура, что я несу. Нужно было сказать, что он слишком многое себе позволяет в отношении к замужней женщине, а что ляпнула я? Что мне неудобно перед людьми. Стискиваю зубы и стараюсь сделать беззаботный вид.

— Готово? — резко меняю тему.

— Да, перекинул. Потом обработаю лучшие и вышлю отдельно.

...

Дорога домой. Всего пятьдесят минут, но они разделяют два мира. Рассматриваю фотографии. Неплохо для первого раза. Телефон вибрирует. Сообщение от Макса. На секунду задумываюсь, открывать сразу или нет, но пальцы уже сами дотрагиваются до экрана.

lonely.wanderer: Надеюсь, ты будешь приезжать ко мне каждый раз, когда сможешь.

Я знаю, что приеду. Пытаюсь понять свои чувства — это смесь страха и возбуждения. Я сделала шаг и стою у пропасти. В силах ли я отказаться от этого соблазна?

Дома падаю в кровать. Одежда сохранила его запах. Макс снится мне: его глаза, руки, обнимающие меня, и этот пронзительный властный взгляд, от которого по телу бегут мурашки...

Глава 6. Макс

«Игра только начинается, но я уже чувствую вкус победы». Ульяна Соболева.

Давно я так не волновался перед встречей. Как пацан, до трясучки в коленях. Чёрт, да что со мной такое?! Я самоуверенный, всегда чётко знаю, чего хочу, а сейчас внутри всё клокочет. Это состояние мне чертовски не нравится. На станцию прихожу на полчаса раньше, словно это может ускорить её прибытие. Холод собачий, а меня в жар бросает. Главное — всё сделать правильно. Эту встречу я продумывал до мельчайших деталей. Я — охотник, и здесь важен каждый шаг.

Вижу, как она выходит на улицу. Озирается, кутается в платок. Растрёпанные на ветру волосы, щёки розовые от мороза... Какая же она живая, настоящая! Выглядит как девчонка, которой до тридцати семи ещё расти и расти. Зацепила меня этим контрастом: в ней есть и уязвимость, и что-то взрослое, знающее себе цену. Вижу в ней этот азарт, спрятанный под слоем волнения. Привлекательная смесь. Хочется обладать ею до дрожи.

Разрыв шаблона, детка! Ты точно не ожидала, что меня не будет на месте. Смотрит на часы, теряется. Вот он, момент. Иду навстречу. Наши взгляды пересекаются, я замечаю, как её губ касается лёгкая улыбка. Нет-нет, рано радоваться, сейчас тебя ждёт сюрприз.

Прохожу мимо. Смотрю сквозь неё, в пустоту. Неожиданно? Да! Но она должна сделать первый шаг. Это как первый круг в игре: заманить, подчинить. И это срабатывает. Чувствую лёгкое прикосновение к предплечью. Тепло её ладони буквально обжигает сквозь куртку. Есть контакт.

Теперь моя очередь. Захват внимания. Поворачиваюсь к ней лицом, наши глаза встречаются — и у меня перехватывает дыхание. Вот же чёрт, она в реальности ещё красивее. Глубокие коньячные глаза, я просто тону в них. Понимаю, что она мне не по зубам, и от этого хочу её ещё сильнее. Стоп! Я ловец, а не жертва. Эффект неожиданности, за ним физический контакт — обнимаю её как старую знакомую. Моя рука на её спине — якобы дружеский жест. Слегка касаюсь губами щёки и чувствую, как она напряжена. Мне это нравится. Контроль у меня.

— Привет! — шепчу на ухо с придыханием. Вкладываю в это слово максимум интимности, будто мы уже делим одну постель. Втягиваю носом аромат её духов — лайм, мята, капля смородины... Но главное — запах её кожи. Снова кидает в жар. Соберись, Макс, это только начало.

— Привет, — её голос нежный, робкий. Она напугана. Хорошо. Так и должно быть.

— Пойдём ко мне на кофе, — предлагаю легко, словно это решённый вопрос. А внутри всё кипит. Как же я тебя хочу, детка.

— Я не хожу в гости к незнакомым мужчинам, — она смеётся, и этот смех пробивает меня разрядом тока. Будет играть в недоступность? Обожаю вызовы.

Беру её за руку. Касание пальцев обжигает, меня снова прошибает током. Она вздрагивает, но ладонь не убирает. Рука чуть влажная от волнения, и это заводит меня ещё сильнее. Ты уже моя, Эмили, даже если сама этого не понимаешь. Веду её за собой, сжимая руку крепко, по-хозяйски. Она подчиняется.

— Когда у нас будет секс? — выбрасываю вопрос, как бы между прочим. Всё по плану: выбиваю почву у неё из-под ног.

— Что? — она ошарашена. Вижу, как щёки заливают густой румянец. В глазах — океан смущения. Ага, ты даже не представляешь, как всё будет. Ты ведь тоже хочешь, просто боишься признаться. Блять, а у самого в штанах уже тесно.

— Макс, ты знаешь моё имя? — неожиданный ход. Застаёт меня врасплох.

— Конечно, Эмили. — Снова ныряю в её глаза. Что она со мной делает?

— Э-ми-ли... — повторяю, смакуя каждый слог. Хочу, чтобы она почувствовала вкус своего имени в моих устах. Она не отводит взгляд, зрачки расширены. Возбуждена не меньше моего.

Заходим в кафе. Место так себе, но сейчас плевать. Главное — мы вдвоем. Внутри тепло, пахнет выпечкой. Замечаю, как она расслабляется, ей здесь уютно. Отлично. Отодвигаю стул, усаживаю её. Камеру на стол кладу демонстративно. Пусть знает, что я буду на неё смотреть через объектив.

— Латте? — поднимаю бровь. Показываю, что помню всё. Она кидает. Беру два стакана и возвращаюсь.

— Себе взял такой же. Интересно почувствовать твой вкус.

Смотрю, как она касается губами края, делает глоток, прикрывает глаза. Блять... А я представляю её на моей подушке. Как она тянется ко мне, как я целую её, а она вот так же жмурится и стонет. Внутри всё сводит от желанию. Детка, ты понятия не имеешь, насколько ты сексуальна.

Взмах ресниц — и я снова в омуте. Она смущенно отводит взгляд, а я нагло рассматриваю её губы. Сочные, манящие. Беру камеру и снимаю. Кадр за кадром. Ловлю её настоящую. Вижу этот свет, исходящий от неё, и понимаю — влип. Она настоящая женщина. Красивая, чувственная. У меня кайф растекается по телу. Пытаюсь вернуть контроль. Так, что нужно? Заякорить её.

Откладываю камеру, накрываю её руку своей. Не отдёргивает. Контакт есть.

— Ты же приедешь ещё? Я хочу видеть тебя каждый день, но согласен на раз в неделю.

Лицо её слегка напрягается. Вижу, как она борется с собой. Но она уже моя, я это кожей чувствую. Нужно просто дать ей время.

Потом мы выходим на улицу, я снимаю её в движении. В супермаркете ждём, пока перекинутся фото. Приобнимаю её за талию, чувствую изгиб тела. Она замирает, кажется, даже дышать перестаёт.

— Прекрати, здесь люди, — шепчет, пытаюсь убрать мою руку.

— Да брось, тебя стесняют люди? — смеюсь я. Она как девчонка, но в глазах — голый голод. Она хочет меня. Член снова каменеет. Даю себе зарок: не сбрасывать напряжение самому. Дождусь её.

Целую в щёку на прощание. С трудом удерживаюсь, чтобы не впиться в эти губы. Она убегает через турникеты, оборачивается, машет... Юная, растрёпанная, с блестящими глазами.

Дома пересматриваю кадры. Сначала ищу косяки: свет, композиция... А потом всё это летит к чёрту. Вижу только её. Всматриваюсь в улыбку и меня разрывает — ведь она улыбается мне.

Быстро строчу: «Надеюсь, ты будешь приезжать, когда сможешь». Жму отправить. Секунда, две... Вдруг?

Телефон вибрирует. В ответ — улыбающийся смайлик.

Внутри вспыхивает бешеный огонь. Всё, детка. Ты моя.

Приглашаю вас в ещё одну эмоциональную историю. Где выбрать сложно, но не выбрать нельзя.

<https://litnet.com/shrt/ZDpZ>

Глава 7. Эмили

«Страсть — это огонь, который может согреть или сжечь дотла». Марина Суржевская
Тринадцать лет назад

Я сижу в глубоком кресле, чувствуя, как его обивка неприятно холодит кожу, и стараюсь не смотреть в глаза женщине, сидящей напротив.

— Невозможно собрать в одном человеке чувство безопасности, воспитанность и риск с сексуальной одержимостью, — доносятся до меня слова психолога, и от этого спокойного, размеренного тона внутри у меня всё обрывается.

Знает ли она, эта ухоженная дама с аккуратной укладкой, каково это — каждое божье утро просыпаться с невыносимой тяжестью в груди, когда даже воздух в спальне кажется пропитанным его запахом? Когда воспоминания о его руках обжигают так сильно, что хочется вжаться в подушку, спрятаться в ней, как в единственном укрытии от собственных предательских мыслей. Она не поймёт, как я месяцами разрывалась на части, одновременно до дрожи надеясь на его возвращение и до смерти боясь его.

— Давайте поговорим о ваших отношениях с родителями, — произносит она, плавно откинувшись на спинку кресла и складывая руки на коленях.

Какая нелепая, предсказуемая банальность. Всегда одно и то же: попытки копаться в далеком прошлом, желание выискать там корни нынешней боли, словно это препарирование души может действительно помочь избавиться от неё.

— Нет, я не хочу, — перебиваю я её резко, почти грубо, хотя прекрасно понимаю, что такая острая реакция уже говорит ей о многом. Но в то же время я не могу вынести даже мысли о том, что моя главная слабость — это вовсе не он, а я сама, моя неспособность противостоять этому разрушительному притяжению.

Психолог замолкает, чуть склонив голову набок и продолжая внимательно наблюдать за мной сквозь стекла своих очков. В кабинете повисает вязкая, тяжелая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов на стене.

— Вам больно, потому что вы любили, — она наконец нарушает молчание, подбирая каждое слово осторожно, будто ступает по тонкому льду. — Но нужно признать, что любовь к таким людям — это всегда зависимость. Это дикая страсть без капли доверия, это бесконечное желание, в котором нет и не может быть покоя.

Да что она может понимать в этом? Для неё это лишь сухие термины, заученная теория из толстых учебников. Для меня же — прожжённая насквозь реальность, ставшая моей второй кожей. Она убеждает меня, что это лишь иллюзия счастья, но ведь именно эти яркие, болезненные иллюзии долгое время заставляли меня дышать, чувствовать себя живой и по-настоящему желанной.

— Он был тем, кто однажды выпустил вас на свободу, — тихо продолжает она, заметив мой затравленный взгляд. — Но свобода рядом с таким человеком всегда имеет свою непомерно высокую цену. И как бы жестоко это ни звучало сейчас, часто эта цена — ваше личное счастье и душевное равновесие.

Слёзы предательски жгут глаза, подступая к самому горлу, но я приказываю себе не плакать. Достаточно. Сколько можно бесконечно копаться в этом, накручивать круги вокруг одной и той же застарелой боли, превращая свою жизнь в бег по замкнутому кругу? Она права, раскуском я понимаю, что она абсолютно права... Но эта правота рассыпается в прах каждый раз, когда я вновь закрываю глаза и вижу его перед собой.

— Скоро вы встретите другого мужчину, — успокаивающе, почти монотонно повторяет она, — того, кто окружит вас истинной заботой, глубокой любовью, кто будет рядом в любую минуту, станет вашей опорой...

Но я почти не слышу её. Все эти правильные, логичные слова кажутся мне пустыми, картонными и совершенно ненужными. Что она вообще знает о настоящей любви? О той безумной, первобытной страсти, которая, словно внезапный ураган, подхватывает тебя и уносит в пугающую неизвестность, где нет ни правил, ни страховки? Она твердит о какой-то мифической заботе, о тихом покое, но разве это то, чего жаждет моя израненная душа? Я смертельно устала от этой борьбы, но какая-то часть меня всё ещё отчаянно жаждет того самого бурного, опасного счастья, которое он мне дарил. Счастья, от которого закладывает уши и перехватывает дыхание.

«Время лечит...» — говорят все вокруг. Да пусть оно хоть полностью сотрёт память о нём, пусть выжжет его имя из моего сердца, но разве оно поможет мне забыть ту женщину, которой я стала рядом с ним? Ту женщину, которая наконец-то позволила себе чувствовать?

Глава 8. Эмили

«Он был тем огнём, что сжигал меня дотла, и я снова бросалась в этот пожар».
Татьяна Тренина.

Тринадцать лет назад.

Сердце каждый раз разрывается на мелкие, острые осколки, когда я застаю его в стриптиз-клубе. Громкая музыка бьёт по вискам, запах сигаретного дыма и дешевого парфюма смешивается в удушливый коктейль, а он сидит там, в полумраке, окруженный полуголыми девицами, чьи тела блестят под софитами.

— Прости, любимая, но я свободный мужчина, — бросает он мне, даже не пытаясь встать. Его голос звучит лениво и нагло. — Ты, конечно, огонь, но я сам буду решать, кого мне трахать, а кого нет. Если тебя не устраивают такие отношения — дверь там, можешь уходить прямо сейчас.

При этом он совершенно не стесняется меня: притягивает к себе одну из стриптизерш и по-хозяйски шупает её за задницу, глядя мне прямо в глаза.

Я бегу домой, задыхаясь от слёз, которые застилают дорогу. Внутри всё клоочет от ярости. Я клянусь себе, стенам, всему миру, что на этот раз всё кончено. Что я пошлю его так далеко, как только смогу, если он посмеет явиться.

Он приезжает под утро, когда серое небо только начинает светлеть. В руках — огромный, вызывающе тяжелый букет алых роз. Я выхватываю их и с силой швыряю на пол, глядя, как нежные лепестки разлетаются по прихожей. И только посмотрев на свои ладони, замечаю бордовую каплю крови — я так сильно сжала стебли, что укололась о шипы.

— Ну что ты, детка, — он делает шаг ко мне, и вся моя решимость тает от его близости.

Он подхватывает меня на руки, как пушинку, и относит на кровать.

— Ты же знаешь... я люблю только тебя.

Он берет мою руку и медленно, глядя мне в глаза, слизывает кровь с пораненного пальца. От влажного, горячего прикосновения его губ я едва не стону вслух. Он — тот самый «плохой мальчик», к которым так непреодолимо тянет хороших девочек. Он не был моим первым мужчиной, но именно он по-настоящему открыл во мне женщину — ту, о существовании которой я даже не подозревала: дерзкую, страстную, ненасытную. Я стала в его руках гитарой. Он так умело перебирал струны не только моей души, но и тела, выпуская на волю ту чудесную, дикуную музыку, что слишком долго томилась где-то глубоко внутри. И я снова сдаюсь. Без боя. Без условий.

Всю следующую неделю мы абсолютно счастливы. Мы просто забиваем на всё: я беру больничный на работе, а он — он сам себе начальник, хозяин своей жизни и своего времени. Семь дней мы не выходим из дома, существуя в своём закрытом мирке. Редкие вылазки до соседнего минимаркета за едой — и снова в нашу крепость. Шампанское и секс. Очень много секса. В этом он кажется неутолимым, словно пытается выпить меня до дна.

— Всё, я больше не могу, — изнеможенно стону я, когда силы окончательно покидают меня.

Тогда он бережно берёт меня на руки и относит в ванную. Опускает в тёплую воду, полную густой ароматной пены, наливает ледяное шампанское. Мы пьём из фужеров и, не глотая искристую, обжигающую жидкость, целуемся. Пузырьки лопаются, нежно щекочат губы и язык, создавая ощущение маленького праздника во рту. Он вдруг становится таким нежным. Его руки медленно ласкают моё тело под водой, расслабляя каждую мышцу и одновременно возбуждая до предела.

— Ты уже мокрая, детка, — шепчет он мне в самое ухо, дразняще покусывая мочку и осторожно погружая палец в моё лоно.

— Конечно, — пытаюсь я шутить, — мы же в воде...

Но моё тело уже подается навстречу его ласке, выдавая меня с головой.

— О нет, это ты стала влажная от желания, признавайся, — он добавляет второй палец, и я чувствую, как внутри всё сжимается в сладком спазме. — Скажи это. Скажи, что хочешь меня.

— Да, любимый... хочу... трахни меня, — шепчу я, окончательно теряя волю к сопротивлению.

Он притягивает меня к себе, широко разводит мои ноги и входит так глубоко, насколько это вообще возможно. Теплая вода оказывает мягкое сопротивление, и это лишь придает остроты каждому движению. Мы словно сражаемся с невидимыми волнами, которые пытаются помешать нашему единению. Таких мощных, сокрушительных оргазмов у меня не было ни с кем и никогда.

— Прости, детка, — говорит он позже, покрывая поцелуями мои плечи. — Ты самая охренительная. Знаю, что порой делаю тебе больно, но пойми — это моя репутация, мой образ, я не могу по-другому. Но я никого не трахаю, кроме тебя. Ты из меня и так все соки выжимаешь.

И я таю. В этом весь он — умение превратить предательство в комплимент. Как он это делает?

— И знаешь, мне так нравится, когда ты злишься. Моя разъярённая кошка. Строптивая, ненасытная... Обожаю тебя укрощать.

И он укрощает. Очень умело. Я мурлычу под его руками, хотя ещё минуту назад хотела вцепиться когтями в его лицо и разодрать кожу до крови.

Потом у нас случается настоящий медовый месяц. Даже два. Он ведет себя как образцовый семьянин, почти идеал. Никаких ночных выходов, только дела в клубе. Я настолько счастлива и спокойна, что даже поправляюсь на пару килограммов. Говорят, кто-то заедает горе, а я — ела от счастья. Весь мир вокруг казался настолько прекрасным, что любая еда обретала божественный вкус.

Но всё заканчивается в один миг. О том, что у меня уже две недели задержка, я вспоминаю случайно, когда коллеги на работе начинают обсуждать какие-то новые прокладки. Я заглядываю в календарь цикла и чувствую, как по спине пробегает холодок. Сердце делает кульбит и падает куда-то вниз.

На обеденном перерыве, не в силах дотерпеть до вечера, я бегу в аптеку за тестом. Закрывшись в узкой кабинке туалета, я кусаю губы до крови, глядя на белый пластик. Результат не заставляет себя ждать. Две яркие, безапелляционные красные полоски. Вот она, причина моего аппетита и лишнего веса.

Меня накрывает волной противоречивых чувств. С одной стороны — такая щемящая нежность, будто внутри меня в эту секунду зародилась целая вселенная. А с другой — ледяной, парализующий страх. Я до дрожи боюсь его реакции.

— Эмили, детка, надеюсь, ты следишь за своим циклом? — часто говорил он мне. — Я не хочу детей. Нам и вдвоём круто.

Он всегда считал, что вся ответственность за предохранение лежит исключительно на мне. А я... я была так безумно влюблена, что не хотела портить наши моменты скучными разговорами о таблетках и контроле. Я верила, что нашей любви хватит на всё. Но хватит ли её на это?

Глава 9. Эмили

«Иногда боль настолько велика, что кажется, будто сердце уже никогда не станет целым». Мария Воронова.

Тринадцать лет назад

Была не была! Решаю, что этот день должен стать точкой отсчёта нашей новой, настоящей жизни. Отпрашиваюсь с работы, вру что-то невнятное про плохое самочувствие, а сама лечу в парикмахерскую. Пока мастер колдует над моей укладкой, я представляю его лицо, когда он узнает.

Покупаю умопомрачительно красивое бельё — шёлк и кружево, которые должны подчеркнуть все мои достоинства. И маленькую бархатную коробочку, в которую бережно кладу тест с двумя полосками. План идеален до мелочей: сначала у нас будет потрясающий, сумасшедший секс, а потом, когда мы будем лежать, обессиленные и счастливые, я сделаю ему свой главный сюрприз. Он просто не может не обрадоваться. Не сможет.

Но сюрприз ждёт меня.

Когда я открываю дверь нашей квартиры, внутри подозрительно тихо. С улыбкой на губах, предвкушая встречу, я прохожу в спальню и замираю. Мир вокруг мгновенно теряет краски. Я застаю его сверху на очередной стриптизерше из его клуба. В нашей постели. На тех самых простынях, где ещё утром он клялся мне в любви.

Я стою в дверном проёме, вцепившись пальцами в косяк, не в силах пошевелиться, не в силах даже закричать. Просто смотрю, как его красивое, мускулистое тело с животной силой вбивается в женское, извивающееся под ним. Она стонет... точно так же, как стонала я. Те же звуки, те же движения.

А он вдруг поворачивает голову. Наши взгляды встречаются. И вместо того, чтобы испугаться, отпрянуть или начать позорно оправдываться, он даже не замедляет свой ритм. Спокойно сдувает со лба прядь выющихся волос, нагло улыбается мне и говорит своим обычным, ласковым голосом:

— Эмили, детка, присоединяйся.

В этот самый момент блондинка под ним громко взрывается от оргазма, а моё сердце с оглушительным треском разрывается в груди от невыносимой боли. Всё. Тишина.

Я не помню, как развернулась. Не помню, как бежала вниз по ступенькам, спотыкаясь и задыхаясь от слёз, которые застилали всё вокруг. Вылетаю из подъезда на улицу, не разбирая дороги, не видя ничего, кроме этой улыбки в спальне. Бросаюсь через дорогу.

Глухой удар. Тупая, всепоглощающая боль. И меня накрывает спасительной темнотой.

Когда я прихожу в себя, сознание возвращается рывками. Не сразу понимаю, где нахожусь: незнакомое стерильное помещение, пугающе светлые стены, запах лекарств. Во рту всё пересохло, язык кажется шершавым и прилипшим к нёбу. С огромным трудом поворачиваю голову в сторону и вижу его.

Он сидит рядом на низком стуле, белый больничный халат небрежно накинут на широкие плечи. Держит мою руку в своей, но смотрит куда-то в одну точку перед собой. Вид у него потерянный.

Я хочу позвать его по имени, но из горла вырывается только невнятное, жалкое мычание. От этого звука он вздрагивает, как испуганная птица на ветке, и мгновенно фокусирует взгляд на мне.

— Эмили, детка, ты пришла в себя! Слава богу! Прости, милая, умоляю, прости меня...

В памяти всплывают события утра. Горло сдавливает спазм.

— Ребёнок... — едва слышно хриплю я.

Он опускает голову, сжимая мою ладонь чуть сильнее.

— Не удалось сохранить беременность.

Глаза начинает нестерпимо жечь, но у меня нет сил даже на слёзы. Внутри — выжженная пустыня. Закрываю веки и хрипло шепчу одно-единственное слово:

— Уйди.

— Детка, ну послушай, главное, что ты жива! — он начинает говорить быстро, сбивчиво, и в его голосе я слышу нотки облегчения, от которых становится тошно. — Ну какой из меня отец? Этот ребёнок... он бы всё только усложнил...

— Пошёл... вон! — я буквально выталкиваю из себя эти слова, вкладывая в них всю оставшуюся ненависть.

Монитор рядом с кроватью начинает пищать — мерзко, ритмично, — потому что сердце бешено колотится от ярости, переполняющей его.

— Ненавижу! — пытаюсь кричать, но издаю лишь глухие, рваные хрипы. Я задыхаюсь от собственного бессилия.

В палату мгновенно врываются медсёстры, начинают суетиться вокруг, проверять капельницы. Я хочу встать, хочу вцепиться в него, надавать пощёчин со всей силы, чтобы его холёное лицо пылало огнём боли — таким же сильным, как тот, что сжигает моё сердце, превращая всё бывшее в пепел. На месте чувств остается лишь чёрная пустота.

— Пожалуйста, покиньте палату! — доносится до меня строгий женский голос.

Я чувствую, как он уходит. Слышу его шаги. И вместе с ним последние силы окончательно покидают моё тело.

— Реанимация! — этот крик бьёт по ушам.

Огонь вспыхивает перед глазами в последний раз, ослепляя меня, и тут же гаснет, погружая мир в глубокую, мрачную темноту.

Глава 10. Марк

Измена — это всегда больно. Никогда в жизни я не мог даже подумать, что столкнусь с предательством. Что самый близкий и родной человек, которому я доверял больше, чем самому себе, может в одночасье разрушить мою жизнь. Я любил её так беззаветно, что мысли не допускал о возможности конца. Боль от утраты доверия невыносима, но ещё сильнее ранит осознание того, что я могу потерять её навсегда. Тогда, в те бесконечно счастливые дни, я и представить себе не мог, что мой мир рухнет в считанные минуты.

Я — Марк, мне пятьдесят два. Успешный, востребованный адвокат с безупречной репутацией и списком проигранных дел, стремящимся к нулю. Люди стоят в очередях месяцами, готовы падать на колени, лишь бы я просто открыл их папку. Я состоятельный мужчина, который сам выстроил свою империю, но у меня есть одна «ахиллесова пята» — моя жена и наши дочери: Карина и Алиса. Для своих девочек я сверну горы, устрою мировую революцию и переверну землю, если потребуется.

Тринадцать лет назад.

В тот бар я захожу почти каждый вечер после работы. Это своего рода ритуал — пропустить пару стаканчиков крепкого виски, иногда в одиночестве, иногда в компании коллег. Спешить домой мне незачем: там тишина и пустые стены, меня никто не ждёт.

Всю молодость я упорно учился, вгрызался в законы. Девушки, конечно, были, но как-то не складывалось, я всегда предпочитал честно заплатить за проведенное время, чем давать пустые обещания, которые не собирался выполнять. На серьёзные отношения не хватало ни времени, ни душевных сил. Сразу после университета я начал пахать, выстраивая карьеру кирпич за кирпичом. В нашем деле всё просто: либо ты впахиваешь 24/7, зарабатывая имя, либо всю жизнь перебиваешься подачками.

Я сижу в мягкой зоне, медленно потягиваю виски и изо дня в день разглядываю девушку за барной стойкой. Вот уже который вечер я люблю её хрупкими плечами и безупречно прямой спиной, обтянутой мягкой кашемировой водолазкой. Тёмные волосы, словно тяжелый шелк, струятся до самой талии. Каждый вечер она занимает одно и то же место и пьёт, кажется, один и тот же коктейль. Иногда она приходит с подругой-блондинкой, и тогда неизменно начинается тихо плакать, а подруга бережно обнимает её за плечи, пытаясь защитить от всего мира. Порой они о чём-то спорят, но блондинка никогда не бросает её. Они всегда уходят вместе. Кроме тех дней, когда она сидит совсем одна, застыв, как прекрасная статуя.

В конце концов, любопытство берёт верх над моей профессиональной сдержанностью. Я встаю и пересаживаюсь к ней, за барную стойку.

— Привет. Позволишь тебя угостить?

Она медленно поворачивается. О боже... Большие глаза, полные такой тёмной, беспросветной тоски, какая бывает только у раненого оленёнка. Её взгляд проходит сквозь меня, словно я — прозрачное стекло, словно меня вообще не существует в её реальности. И именно это равнодушие, эта глубина боли тянут меня к ней, как в бездну. Нет для мужчины большего искушения, чем попытаться зажечь огонь в таких глазах. Согреть, защитить, вытеснить эту ядовитую грусть своим теплом.

В тот вечер она так и просидит молча. А я сижу рядом, чувствуя себя полным болваном. Мне сорок лет, я выигрываю самые сложные процессы, моя карьера на пике, а я, как безусый мальчишка, растерялся и не знаю, с чего начать разговор.

На следующий вечер, после затяжного ужина с важным клиентом, ноги сами несут меня к тому бару. Я не иду, я почти бегу, боясь опоздать. По пути заскакиваю в цветочную лавку и покупаю огромный букет белых роз — чистых, как мне кажется, как её душа. Волнуюсь так, будто мне снова восемнадцать и это моё первое свидание. А вдруг её там нет? Вдруг она ушла?

Вздыхаю с колоссальным облегчением, завидев знакомый изящный силуэт за стойкой. Сам подойти не решаюсь — слишком боюсь спугнуть. Передаю букет через официанта. Она удивленно поворачивает голову, находит меня взглядом и едва заметно кивает, принимая цветы.

Следующим вечером я проделываю то же самое. И через день. И через неделю. Я становлюсь «человеком с белыми розами». В конце концов, я вижу, как её губ касается легкая, почти призрачная улыбка, когда она кивает мне в очередной раз. А потом она встает и сама подходит ко мне.

— Зачем вы это делаете? Зачем посылаете мне цветы? — спрашивает она тихо.

Я смотрю на неё и вижу: тёмная тоска в глазах сменилась новой эмоцией — светлой грустью.

— Хочу, чтобы ты улыбалась, — слова срываются с моих губ раньше, чем я успеваю их обдумать.

Её лицо озаряет первая, по-настоящему живая улыбка.

— Спасибо. Можно к вам присесть? — её голос звучит робко, почти интимно.

— Конечно. Может, шампанского? — я подзываю официанта, стараясь скрыть дрожь в руках.

Она присаживается напротив. Я не могу отвести глаз. Все её движения осторожные, выверенные, словно она боится что-то окончательно сломать внутри себя.

— Красивая... — вырывается у меня.

Я замираю, боясь, что сморозил глупость и она сейчас уйдёт. Но на её лице снова мелькает эта робкая, согревающая улыбка.

— Эмили, — представляется она, наконец, сообщая своё имя. И оно звучит для меня как музыка.

— Марк, — растерянно отвечаю я, в душе ругая себя за то, что не представился первым.

Этот вечер я забираю с собой навсегда. Каждую секунду, каждый жест. Это начало чего-то огромного, важного, что затягивает меня без остатка, оставляя отблеск её улыбки в самой глубине моей души. Теперь я знаю: я сделаю всё, чтобы эта улыбка больше никогда не исчезала.

Визуал Марк

Марк — зрелый, уверенный в себе мужчина, успешный адвокат с репутацией блестящего профессионала. Он всегда знает, чего хочет, и умеет добиваться своих целей. Дисциплинированный и прагматичный, Марк посвятил большую часть своей жизни карьере, избегая серьезных отношений, пока не встретил Эмили. В семье Марк — надёжный муж и преданный отец, готовый на всё ради жены и дочерей. Эмили для него — центр и смысл жизни, она воплощает ту часть его души, которая жаждет тепла и уюта. Марк стойкий и рассудительный, но любовь к Эмили делает его уязвимым.

Глава 11. Эмили

«Когда любовь приходит тихо, она заполняет сердце светом, от которого невозможно скрыться». Марина Суржеская.

Тринадцать лет назад.

Марк старше меня на целых пятнадцать лет, но сейчас это совсем не имеет для меня значения. Он оказывается полной, абсолютной противоположностью того человека, который заставил меня невыносимо страдать, вдребезги разбив моё сердце, растоптав душу и буквально вышвырнув меня из своей жизни на обочину. Марк — сильный, надёжный, удивительно щедрый. Этот мужчина так окружает меня своей любовью и искренней заботой, что я, наконец-то, начинаю понемногу оживать. Я не только позволяю ему любить себя, но и сама не замечаю, как постепенно, шаг за шагом, отвечаю ему взаимностью.

Я больше не прихожу в этот бар ради того, чтобы погружаться в тяжёлое прошлое и пытаться нащупать там хоть какое-то мнимое единение с моим прежним жизненным адом. Теперь я иду туда только для того, чтобы смотреть в эти тёмные, невероятно глубокие глаза Марка и видеть в них своё отражение. Меня каждый раз охватывает нежность, когда он совершенно случайно касается моей руки, вызывая дрожь.

— Эмили, у тебя такие холодные пальцы. Ты снова замёрзла? — спрашивает он однажды, чуть заметно вздрогнув, когда впервые решается положить свою тёплую, широкую ладонь поверх моей.

Я лишь грустно улыбаюсь ему в ответ.

— Нет, просто они у меня всегда такие холодные, — говорю я тихо, но руку при этом не убираю, наслаждаясь его теплом.

«Такие же холодные, как и моё сердце», — думаю я.

Марк внимательно смотрит на меня, а потом медленно подносит мою ладонь к своему лицу. Он осторожно прижимается к ней своей гладко выбритой щекой, будто боится испугать меня или нарушить это хрупкое мгновение. Я невольно вздрагиваю. В это самое мгновение по всему телу разливается тепло, от которого сердце начинает биться быстрее.

— Позволь мне согреть тебя? — шепчет он, глядя мне прямо в душу. Я только улыбаюсь, впервые за долгое время почувствовав это пьянящее, почти забытое счастье.

Два месяца мы продолжаем встречаться в этом полумраке бара по несколько раз в неделю. С ним мне так легко, уютно и по-настоящему тепло. Наше молчание никогда не тяготит, а слова порой становятся почти не нужны — нам вполне достаточно одних лишь взглядов и случайных касаний.

— Марк, а давай сегодня сменим обстановку? Честно говоря, мне немного надоел этот бар, — говорю я однажды.

Долгое время я собираюсь с мыслями, чтобы предложить это, потому что больше не могу находиться в месте, которое каждой деталью напоминает мне о прошлом.

— Хочешь пойти куда-нибудь поужинать в тихом месте? — его вопрос звучит спокойно, но я вижу, как в глубине его глаз мгновенно мелькает живое любопытство.

— Нет, давай просто погуляем? Сегодня такая прекрасная погода, — предлагаю я, искренне надеясь, что он поддержит мою идею.

Он мягко улыбается и уверенно протягивает мне свою руку:

— С огромным удовольствием.

Мы буквально выбегаем из бара, смеясь, словно двое влюбленных подростков. Взявшись за руки, мы долго бродим по ночным улицам, освещённым тусклыми фонарями, пока совершенно незаметно для самих себя не оказываемся в глубине парка.

— Боже, как же здесь красиво, — я останавливаюсь и на мгновение запрокидываю голову, глядя на бездонное звёздное небо. Луна светит сегодня так ярко, что, кажется, стоит только протянуть руку — и её можно будет коснуться кончиками пальцев.

Марк в это время внимательно смотрит только на меня.

— Ты очень красивая, — шепчет он.

В его низком голосе столько искренней нежности, что моё сердце болезненно сжимается от нахлынувших, давно забытых эмоций.

Я пытаюсь что-то ответить, но вдруг осознаю, что не могу произнести ни слова. Язык словно прилип к нёбу, губы мгновенно пересохли, а дыхание стало неровным и прерывистым. Он стоит прямо передо мной — высокий, уверенный в себе, по-настоящему сильный. Мужчина, о котором, кажется, тайно мечтает каждая женщина. Его прямой взгляд заставляет моё сердце колотиться ещё быстрее, отдаваясь пульсом в висках.

Он мягко тянет меня за руку к себе. Я послушно делаю шаг вперёд и тут же оказываюсь в кольце его крепких объятий. Его губы находятся так близко, что я едва не задыхаюсь от внезапного желания наконец коснуться их.

Марк целует меня осторожно, почти невесомо, словно проверяя, как далеко я позволю ему зайти в эту ночь. Он едва касается моих губ своими, но этого мимолётного жеста достаточно, чтобы я окончательно потеряла голову. Я сама подаюсь навстречу, бесстыдно обвиваю его шею руками, позволяя себе полностью отдаться этому сладкому моменту. Погрузив язык в его горячий рот, я чувствую, как он на секунду вздрагивает всем телом, а потом ещё крепче прижимает меня к себе.

Тихий стон срывается с его губ, когда он, наконец, позволяет своим сдерживаемым чувствам вырваться наружу. Мы медленно кружимся в каком-то интуитивном танце посреди абсолютно безлюдного парка. Кажется, весь остальной мир вокруг просто исчез, осталась только эта бесконечная ночь, луна и наши переплетающиеся желания.

С этого самого момента пути назад больше нет.

Глава 12. Эмили

«Есть желания, которые невозможно подавить, даже если разум кричит об опасности». Анна Зими́на

Иногда мне снится один и тот же сон, но с разными вариациями: мужчина, лица которого я никогда не вижу, властно овладевает мной. Его сильные руки до боли сжимают мои бёдра, когда он с силой входит в меня, наполняя каждую клеточку моего тела острым наслаждением, смешанным с болью. С ним я вновь становлюсь той дерзкой, страстной, ненасытной гитарой, струны которой стонут и изнывают от желания. Той самой женщиной, которой была когда-то очень давно, почти в прошлой жизни.

С мужем я стала нежной скрипкой, к которой он всегда прикасается с осторожностью, боясь неосторожным движением порвать мои тонкие струны. Его смычок плавно скользит, и скрипка поёт, вибрируя каждой частичкой своего изогнутого тела. Это прекрасно, это безопасно, но...

После таких снов я перестаю понимать, хочу ли я оставаться скрипкой или всё же до дрожи желаю вновь стать той самой гитарой. Да, я мучительно скучаю по тому страстному, дикому и даже жёсткому сексу, которому меня когда-то научил мой бывший.

Сегодня мне снова снится этот сон, но теперь я наконец могу рассмотреть лицо мужчины, который так властно перебирает струны моей гитары. Он с силой прижимает их одной рукой и, совершенно не щадя моих чувств, не боясь причинить мне боль, страстно перебирает другой.

Проснувшись, я вижу на экране телефона уведомление — пришло сообщение от Макса: Хочу тебя.

По телу мгновенно проходит дрожь, ведь только что во сне я бесстыдно отдавалась ему, сотрясаясь от наслаждения. Я всё ещё чувствую вкус его губ на своих, и кожа горит от недавнего прикосновения его рук. И пусть это был всего лишь сон, но он оказался настолько реален, что внизу живота всё ещё ощутимо пульсирует.

Скидываю ему в ответ смущающийся смайлик и тут же получаю следующее сообщение: Ты тоже меня хочешь, я чувствую это.

От этих слов меня сразу бросает в жар, щёки вспыхивают огнём. Пальцы касаются экрана телефона, но они словно больше не принадлежат мне — я уже совершенно не контролирую их. Между строк нашей переписки происходит что-то большее, что-то запретное. Чувствую, как всё тело мгновенно откликается на эти знаки, и возбуждение пронизывает каждую мою клеточку.

«Я замужем, семья — самое дорогое для меня, я люблю мужа», — быстро набираю я текст и отправляю, чтобы не сдаться окончательно. Пишу это в надежде, что это остановит. Но кого? Его? Или всё-таки меня? Боже, я зажмуриваюсь, повторяя про себя как заклинание: «Я люблю мужа, я люблю мужа, я люблю мужа».

Последние тринадцать лет только один мужчина видел меня обнажённой — мой муж. Фигура после двух родов уже не кажется мне идеальной, но любимый никогда не замечает ни лишних килограммов, ни моих небритых ног. Он любит меня любой: растрёпанной ранним утром, совсем не накрашенной вечером. Я и только я всегда была самой красивой и желанной женщиной для него. Да и я сама, несмотря на эти сны, даже представить не могла другого мужчину перед собой. Чужие губы, чужие руки... Сон и реальность — это ведь две совершенно разные жизни. Но почему же тогда так сладко ноет внизу живота от этих коротких сообщений, а сердце стучит громче и быстрее? Мне становится по-настоящему страшно от осознания того, что он прав — я хочу его. Я вдруг понимаю, что хотела его всё это время, ещё задолго до нашей первой встречи.

Макс:

Я понимаю, что ты замужем, я готов быть твоим приключением, тебе только не надо влюбляться в меня, это так просто.

Это действительно так просто — не влюбляться? Только он не понимает, что я совсем не такой человек. Что для меня это всегда нечто большее, чем просто приключение. Меня вновь охватывает ледяной страх, что это не просто желание заняться сексом — это что-то другое.

«А ты?» — спрашиваю его, и руки заметно дрожат в ожидании ответа.

«Что я?» — он то ли не понимает, то ли просто не хочет отвечать прямо.

«Ты влюблён?» — я затаиваю дыхание.

«Я да, влюблён, но я не питаю иллюзий», — вот так просто он это пишет?!

«Я не могу», — стискиваю зубы и стараюсь противостоять не столько ему, сколько самой себе. Я отчаянно борюсь, но не с ним, а со своим собственным желанием, ведь как только он коснулся меня тогда, я задохнулась от страсти, которая мощной волной прошла по всему телу.

Макс:

Хорошо, буду тебя ждать, это не то, что надо планировать, всё случится тогда, когда должно случиться, и будет так, как ты захочешь.

«Всё будет так, как ты захочешь...» Я никогда бы не подумала, что эту фразу, сказанную мужчиной, которого так сильно желаешь, можно начать искренне ненавидеть...

Глава 13. Эмили

«Иногда ты даже не замечаешь, как пересекаешь границу, пока не оказываешься слишком далеко». Марина Суржеская

Я как будто разделилась на двух совершенно разных людей, которые живут в параллельных мирах. В одном из них я — любящая, замечательная жена. Мелодичная, послушная скрипка, которая вибрирует под бесконечно нежными руками мужа. В другой реальности я — своя абсолютная противоположность: дерзкая, ненасытная гитара, жаждущая мужчину, который окончательно вскружил мне голову. Я думала, что никогда больше не испытаю эти забытые чувства, когда пресловутые бабочки в животе порхают от одного взгляда на экран. А томительное ожидание и жгучее предвкушение заполняют все мои мысли, разливаясь по телу сладостным, пугающим теплом.

Я засыпаю, и мне снится один и тот же сон. Но теперь я отчетливо вижу лицо мужчины, и это — Макс. Он толкает меня на кровать, не принимая никаких возражений или сопротивления, властно заламывает мне руки и с животной силой входит, заполняя всю меня собой. Я покорно принимаю его. С каждым его движением моё тело откликается всё сильнее, а кровь бешено стучит в висках. Желание вспыхивает с такой мощностью, что мне становится по-настоящему страшно, но в то же время я ни на секунду не хочу, чтобы он останавливался. Он продолжает до тех пор, пока я не начинаю бесстыдно стонать; этот стон наслаждения заполняет всю меня, всю комнату и всё окружающее пространство.

Я просыпаюсь в холодном поту, охваченная ужасом — всё это кажется слишком реальным и слишком прекрасным. И в тот же миг возникает страх, что однажды своими стонами я могу разбудить спящего рядом мужа.

Макс продолжает писать. Меня трясет от волнения, от дикого желания, от бесконечных сомнений и полного непонимания собственных чувств. Я замираю в ожидании его слов. Неужели я действительно это сделаю?

Когда ты приедешь? — он не спрашивает, хочу ли я этого. Он и так прекрасно знает, что я хочу.

Во вторник, — пишу я трясущимися руками.

До нашей встречи остается четыре дня. Четыре дня томительного, мучительного, изматывающего желания. Оно наполняет меня до краев. Это невероятное возбуждение, которое требует немедленного высвобождения, но не просто физической разрядки — это томление именно по нему, по этому мужчине, которого я желаю до боли в груди. И я понимаю: никто другой не может утолить этот голодный огонь.

Две параллели остаются параллелями, и даже отдаваясь мужу, гитара внутри меня затихает, послушно уступая место скрипке... Может быть, мне всё-таки нужно остановиться?

Я падаю в бездну. Нет, на самом деле я упала в неё гораздо раньше — в тот самый момент, когда впервые начала отвечать на сообщения Максусу. Тогда это казалось таким простым, почти безобидным действием — просто буквы на ярком экране, несколько дежурных фраз. Я и представить себе не могла, что за этими символами скрывается нечто огромное, что тихо и совершенно незаметно начнёт затягивать меня в эту неизведанную пропасть.

Это уже не просто разговоры и не просто переписка — это настоящий водоворот, который с каждым днём становится всё стремительнее. А я? Я до последнего думала, что смогу оставаться на поверхности, что всё ещё держу ситуацию под контролем. Как же это наивно... С каждым новым сообщением, с каждой нашей короткой встречей я буду погружаться всё глубже и глубже. Всё это становится чем-то большим, чем просто игра или случайность. Это тянет вниз, медленно и неотвратно. Я была абсолютно уверена, что смогу вовремя остановиться и смогу держать себя в руках. Но вот я здесь. Почти на самом дне.

Глава 14. Макс

«Ты можешь думать, что управляешь ситуацией, но желание всегда оказывается сильнее». Татьяна Тронина

Рассматриваю фотографии, сделанные сегодня. Да, съёмка далека от идеала: ни нормального света, ни подходящего места, да и руки почему-то тряслись, как у сопляка. Но она на снимках такая искренняя, такая охрененно раскрепощённая и красивая. В жизни она ещё приятательнее, чем на экране. Сначала я даже оторопел: обычно бабы приукрашивают себя до неузнаваемости — фильтры, фотошопы, тонны ретуши, а она нет! Разве такое вообще бывает в наше время?

Вспоминаю, как она дрожала, когда я приобнял её в магазине. В голове крутится только одна мысль, пульсирующая в такт крови: «Хочу тебя». Набираю и отправляю. Опять смайлик в ответ, на этот раз смущённый. Это выглядит чертовски мило, но в то же время начинает бесить.

Ты тоже хочешь меня, я это чувствую, — быстро набираю и отправляю ей.

Пусть только попробует соврать, что нет. Вижу, как она печатает... слишком долго. Видимо, стирает и набирает текст снова, подбирая правильные слова. Наконец-то выдаёт:

Я замужем, семья – самое дорогое для меня, я люблю мужа.

Вот это совсем не то, что я хочу услышать.

— Блять, — вслух ругаюсь я.

Конечно, я знаю, что она замужем. Но как часто её имеет муж? Я не собираюсь разрушать её «святую» семью, это не моя цель. Любишь его? Люби на здоровье. Я всё равно буду тебя трахать. Хотя, конечно, этого не пишу. Её ответ — лишь формальность, хлипкий барьер, который она сама не удержит. Она уже дрожала от желания, когда я стоял рядом, и это уже моя победа.

Понимаю, что ты замужем, готов быть твоим приключением, тебе только не надо влюбляться в меня, это так просто, — отправляю в ответ.

А ты? — она не успокаивается. Бабы всегда хотят знать, что их не только хотят, но и якобы любят.

Что я? — давай сыграем в игру, детка. Кошки-мышки. И я буду той кошкой, которая непременно тебя сцапает.

Ты влюблён? — я даже обалдел от того, что она осмелилась это спросить.

Я да, влюблён, но не питаю иллюзий, — пишу то, что она хочет услышать. Простой трюк, который я применял уже не раз. Но почему-то именно сейчас мне кажется, что эти слова — не просто наживка для неё? Почему мои собственные слова начинают звучать слишком правдиво?

Я не могу, — её новое сообщение буквально выдергивает меня из мыслей.

Что значит — не могу?! Это была всего лишь игра. Я должен управлять ситуацией, но, чёрт возьми, почему я больше не чувствую контроля? Каждое её слово выбивает меня из колеи, и это начинает злить до бешенства.

Набираю:

Хорошо, буду тебя ждать, это не то, что надо планировать, всё случится тогда, когда должно, и будет так, как ты захочешь.

Всё будет так, как ты захочешь, детка. И ты будешь умолять меня трахать тебя ещё и ещё.

С раздражением отшвыриваю телефон на диван. Всё идет не так просто, как я ожидал, но мысли о ней не покидают меня ни на секунду. Руки сами тянутся снова к аппарату. Открываю «Supergram», пытаюсь отвлечься на других моделей, но постоянно, раз за разом, возвращаюсь к её сторис. К злости и раздражению примешивается ещё одно чувство — дикое, острое желание обладать. К чёрту все обещания. Дергаю завязку на брюках, и рука сама ныряет под резинку трусов.

Я выжидаю день, а потом просто ставлю Эмили перед фактом. Я не спрашиваю, придет ли она. Я спрашиваю — КОГДА она придет. Я уверен, что всё будет именно так, как я решил.

Довольно улыбаюсь, когда экран вспыхивает ответом: «Во вторник».

Теперь я точно знаю, что она будет моей. Это произойдёт ровно через четыре дня. Чёртово ожидание сводит меня с ума, но я умею ждать. Главное, чтобы она снова не передумала или у дочерей не подскочила температура. Я добился своего: судя по её сообщениям, она в полном волнении. Ей остается только признать себя побеждённой. Ускользнуть от меня она уже не сможет. Я чувствую — она желает меня не меньше, чем я её.

Четыре дня. Всего четыре дня, и она будет принадлежать мне. Но почему они кажутся такими мучительно долгими? Почему я не могу перестать думать о ней ни на минуту?

Глава 15. Эмили

«Каждый шаг вперёд — это выбор, который нельзя отменить». Мария Воронова

И снова дома, монотонно проплывающие за окном электрички. Нет, это не я сижу сейчас на мягком, тёплом сиденье и смотрю на то, как серые пейзажи сменяют друг друга в ритмичном танце. Это та другая проекция меня, та самая ненасытная гитара из параллельной реальности, окончательно взявшая верх над здравым смыслом.

Сердце готово выпрыгнуть из груди от невыносимого волнения, отдаваясь пульсом в самых кончиках пальцев. Я судорожно трясую головой, и мне кажется, что всё происходящее — лишь затянувшийся сон, от которого нужно немедленно проснуться. Зажмуриваю глаза, пытаюсь вернуться в реальность, а открыв их, вижу всё ту же синюю обивку переднего сидения и дома, равнодушно проплывающие мимо.

Станция Бризкорт. Холодный, колющий ветер встречает меня на улице, треплет тщательно уложенную причёску. Я неловко поправляю локоны, сильнее кутаясь в свой пуховик, пытаюсь защититься от непогоды. А ветер снова налетает на меня с такой яростной силой, будто отчаянно пытается остановить, преградить путь к пропасти. Он безжалостно треплет мне волосы, словно хочет объяснить на своем языке, что растрёпанная причёска — это такая ничтожная мелочь по сравнению с растрёпанным сердцем и израненной душой.

Знакомые ступеньки: одна, вторая, третья... Я приехала гораздо раньше, чем мы договаривались, и, не выдержав, сбрасываю ему короткое сообщение. Ответ прилетает почти мгновенно:

Детка, ты так быстро, очень хорошо.

Это его «детка»... оно вызывает резкий, болезненный укол где-то глубоко в груди, вызывая мгновенную вспышку воспоминаний о прошлом, которое я так старалась похоронить. Я яростно гоню их прочь. Мне нравится, что он называет меня именно так. С ним я вдруг чувствую себя удивительно лёгкой, бесшабашной и молодой, несмотря на всю нашу разницу в возрасте.

Макс, как и в нашу первую встречу, мимолетно чмокает меня в щёку, берёт за руку, и от одного этого прикосновения его пальцев по всему телу проходит мощный разряд тока. Какой же он все-таки красивый! Лёгкая, мужественная щетина аккуратно обрамляет его скулы, а темные волосы зачёсаны назад и собраны в привычный хвост.

— Ты приехала, детка, я так искренне рад!

Он что-то говорит, пока мы идём в сторону его дома, и его голос звучит успокаивающе, обволакивающе тепло. Я почти не вслушиваюсь в смысл его слов, просто ощущаю себя частью этой странной картины, но внутри меня в эту минуту бушует настоящий вихрь эмоций. Всё кажется абсолютно нереальным. Будто я по какой-то нелепой случайности попала в параллельную вселенную, где всё выглядит неправдоподобно красиво и опасно. Я нахожусь в другом мире, и всё это происходит словно не со мной.

Он открывает дверь своим ключом и приглашает меня войти. Дом кажется старым, пропитанным историей, но внутри царят идеальный порядок и чистота. В своих мыслях я по пути представляла, как мы сразу же, едва переступив порог, окажемся в объятиях друг друга, но этого не происходит. Кажется, он волнуется сейчас не меньше меня. Я хочу развернуться и бежать прочь, обратно в свою спокойную, размеренную жизнь, оставить всё это лишь в зыбких воспоминаниях, а может, и вовсе навсегда забыть о нём. Но ноги будто налились тяжелым свинцом, и я физически не способна сдвинуться с места.

— Здесь немного холодно, пойдём лучше наверх. Хочешь посмотреть мою студию? Я собираюсь снимать тебя именно там, — говорит он, глядя мне в глаза.

Я лишь молча киваю, не в силах произнести ни единого слова. Его голос, его случайные прикосновения... я отчетливо чувствую, как во мне с новой силой разгорается мучительная борьба между холодным страхом и обжигающим желанием. Макс снова берёт меня за руку, и я послушно иду следом за ним, вверх по крутой, скрипучей лестнице. Каждый шаг по этим ступеням приближает меня к моменту, которого я боюсь так же сильно, как и жажду каждой клеточкой своего тела. Каждый шаг — как ещё одно окончательное решение. Чем выше мы поднимаемся, тем больше я осознаю: обратного пути в прежнюю жизнь уже не будет. Это точка невозврата, но я, вопреки всему, продолжаю двигаться только вперед.

Глава 16. Эмили

«Страсть не знает границ, и каждый миг с ней – это шаг навстречу собственной бездне». Ульяна Соболева

Комната Макса удивляет меня своей неожиданной простотой и почти идеальным по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.